

1

Кажется, я нашел наконец решение проблемы «Жена». Как и бывает с научными открытиями, — если рассуждать впоследствии — может показаться очевидным. Однако я вряд ли смог бы найти его, если бы не череда непредвиденных событий.

Все началось с того, что Джин стал уговаривать меня прочесть лекцию о синдроме Аспергера¹. Ту самую лекцию, которую должен был прочесть он. Крайне несвоевременная просьба. Допустим, подготовку к лекции еще можно было совместить с обедом. Но на тот вечер я уже запланировал уборку ванной комнаты общей продолжительностью девяносто четыре минуты. Соответственно мне надо было выбрать один из трех вариантов.

¹ Синдром Аспергера — легкая форма высокофункционального аутизма, при которой относительно сохраняется способность к социализации.

1. Сделать уборку в ванной после лекции — что неизбежно сократит время на сон и приведет к снижению умственной и физической активности.

2. Перенести уборку на следующий вторник — что чревато восьмидневным нарушением гигиены ванной комнаты и связанной с этим опасностью различных заболеваний.

3. Отказаться от лекции — и тем самым поставить под угрозу дружбу с Джином.

Ни один из этих вариантов меня не устраивал.

Все это я изложил Джину. Как всегда, у него нашлось альтернативное решение:

— Дон, а если я заплачу кому-нибудь, кто уберет твою ванную?

Я — в очередной раз — объяснил Джину, что все уборщицы допускают просчеты, и единственное возможное исключение из этого правила может составить лишь венгерская девушка в короткой юбке по имени Эва. Ранее она убиралась у Джина и уволилась из-за неких проблем, возникших из-за нее между Джином и Клодией.

— Я дам тебе ее мобильный телефон. Только ни слова обо мне.

— А если она спросит? Как объяснить, не упоминая тебя?

— Просто скажи, что обратился к ней, поскольку она лучше всех. Если она вдруг спросит обо мне, ничего не говори.

Отличный выход из положения и лишнее подтверждение способностей Джина улаживать бытовые проблемы. Эва была бы обрадована признанием ее профессионализма —

и, возможно, согласилась бы постоянно работать у меня. Что сэкономило бы мне приблизительно триста шестнадцать минут в неделю.

Проблема с лекцией возникла из-за того, что Джину подвернулся шанс заняться сексом с профессоршей из Чили, которая приехала на конференцию в Мельбурн. У Джина есть цель: переспать с женщинами всех национальностей. Как профессора психологии его весьма интересует проблема сексуального влечения — которое, как представляется Джину, во многом предопределено на генетическом уровне.

Дело в том, что по первой специальности Джин — генетик. Через шестьдесят восемь дней после того, как он взял меня постдоком, Джину предложили возглавить кафедру психологии. В высшей степени противоречивое назначение, с помощью которого университет рассчитывал преуспеть в области эволюционной психологии.

Мы много и интересно спорили, пока работали вместе. Дискуссии продолжились и после того, как Джин пошел на повышение. Я удовлетворился бы и прежними отношениями, но Джин стал приглашать меня на ужины к себе домой и выказывал всяческое расположение, так что в итоге мы подружились. Его жена Клодия, которая занимается клинической психологией, тоже стала моим другом. Таким образом, у меня — двое друзей.

Одно время Джин и Клодия пытались помочь мне в решении проблемы «Жена». К сожалению, их подход строился на традиционной методике свиданий — той, от которой я давно отказался, поскольку вероятность успеха абсолютно не соответствует затраченным усилиям. Мне

тридцать девять лет; я рослый, подтянутый и умный; на должности доцента имею относительно высокий статус и неплохой доход. Логично предположить, что я привлекателен для широкого круга женщин. В мире животных мне как самцу не было бы равных.

Однако во мне есть что-то, сдерживающее женщин. Я не слишком общителен и трудно схожусь с людьми; где-то здесь, видимо, и следует искать причину моих романтических неудач. Наилучший тому пример — Катастрофа с Абрикосовым Мороженым.

Однажды Клодия представила меня одной из своих многочисленных подруг. Элизабет — очень умная женщина, специалист в области теории вычислительных систем — носила очки, так как имела проблемы со зрением. Говорю об очках, потому что еще до знакомства Клодия показала мне фотографию и спросила, не имею ли я чего против них. Потрясающий вопрос, особенно от психолога. При оценке Элизабет как потенциальной спутницы жизни — с которой мне предстояло расти интеллектуально, проводить свободное время и, возможно, даже воспитывать общих детей — Клодию больше всего беспокоила моя реакция на очки! Те, которые она носит, скорее всего, не по своей прихоти, а по совету офтальмолога. И вот в таком мире мне приходится жить.

— У Элизабет очень твердые принципы, — сказала Клодия в конце. Как будто в этом тоже был какой-то подвох.

— А они научно обоснованны?

— Думаю, да, — ответила Клодия.

Отлично. Просто моя копия.

Мы встретились в тайском ресторане. Для социально неадаптированных личностей рестораны — это минное поле. Я нервничал, как всегда в подобных случаях. Тем не менее начало нашего свидания было превосходным: мы оба прибыли ровно в семь вечера, как и договаривались. Опоздания — непозволительная трата времени.

Мы благополучно пережили трапезу — без замечаний по поводу возможных просчетов с моей стороны. Трудно вести беседу, когда все время думаешь, на правильную ли часть тела обращен твой взгляд. Но в этот раз я сосредоточился на глазах за стеклами очков, как мне советовал Джин. Правда, это вызвало некоторую неряшливость в процессе потребления пищи, но моя визави, кажется, ничего не заметила. Даже наоборот: у нас состоялась в высшей степени продуктивная дискуссия об имитационных алгоритмах. Какая собеседница! Забрехала перспектива долгосрочных отношений.

Тут официант принес десертное меню.

— Я не люблю азиатские десерты, — сказала Элизабет.

Я почти уверен в том, что это было нездоровое общение, основанное на ограниченном опыте. Наверное, мне стоило распознать в нем тревожный знак. Но вместо этого я уцепился за возможность блеснуть изобретательностью:

— Мы можем съесть мороженое в кафе напротив.

— Отлично. Надеюсь, у них есть абрикосовое.

Решив, что пока все складывается удачно, я не увидел в данном предпочтении никакой угрозы. И ошибся. В кафе был огромный ассортимент мороженого, но вот абрикосовое — закончилось. Я заказал рожок для себя:

шоколад и лакрица. После этого я попросил Элизабет обозначить свое следующее предпочтение.

— Если нет абрикосового, тогда я пас, — ответила она.

Я не поверил ушам. Все мороженое примерно одинаково на вкус, поскольку оно охлаждает вкусовые рецепторы. Особенно это относится к фруктовым ароматам. Я предложил ей манго.

— Нет, спасибо, все в порядке.

В некоторых подробностях я объяснил ей физиологию охлаждения вкусовых рецепторов. В частности, подчеркнул я, Элизабет не почувствовала бы никакой разницы, если бы я вместо абрикосового приобрел, допустим, манго и персик. В конце концов, и тот, и другой в нашем случае может считаться эквивалентом абрикоса.

— Они совершенно разные, — возразила она. — Если ты не можешь отличить манго от персика, то это твоя проблема.

Возникло простейшее объективное разногласие, которое можно было легко разрешить экспериментальным путем. Я заказал по одному шарикю каждого вкуса — манго и персик. Через некоторое время продавец подал их мне, и я обернулся, чтобы попросить Элизабет закрыть глаза для чистоты эксперимента. Но ее уже и след простыл. И это называется ученый. С «научными обоснованиями»!

Уже потом Клодия отметила, что мне не стоило затевать этот эксперимент. Похоже на то. Но в какой момент я должен был остановиться? Когда был послан сигнал? Такие тонкости мне видеть не дано. Как не дано понять, почему для того, чтобы стать чьим-то мужем, мне необходима обостренная чувствительность к выбору того или иного вкуса мороженого. Было бы разумно предположить,

что не все женщины так привередливы. Однако процесс их поисков до сих пор доказывал свою неэффективность. Катастрофа с Абrikосовым Мороженым стоила целого вечера моей жизни. И эта потеря уравнивалась разве что сведениями об имитационных алгоритмах.

Мне хватило двух обеденных перерывов, чтобы подготовиться к лекции о синдроме Аспергера. Благодаря вай-фаю в кафе при медицинской библиотеке жертвовать собственным обедом не пришлось. Об аутистической психопатии я знал не много, поскольку она выходила за рамки моей специализации. Но тема меня захватила. Я решил сосредоточиться на генетических аспектах синдрома, посчитав, что моя аудитория с ними еще не знакома. Большинство болезней предопределено нашей ДНК, хотя во многих случаях это еще только предстоит доказать. Например, моя научная работа связана с генетической предрасположенностью к циррозу печени. Поэтому на работе я в основном спаиваю мышей.

Разумеется, симптомы синдрома Аспергера подробно описаны в различных книгах и статьях. Изучив их, я предположил, что к большинству этих симптомов надо относиться как к простым отклонениям в мозговой деятельности человека. Но этими отклонениями совершенно неоправданно занимается медицина — лишь потому, что они не вписываются в социальные нормы. *Придуманные* социальные нормы, отражающие наиболее распространенные модели человеческого поведения, а не весь его спектр.

Лекция была назначена на семь вечера в одной из пригородных школ. Я прикинул, что доберусь туда на

велосипеде за двадцать минут, — и еще три минуты заложил на то, чтобы включить компьютер и соединить его с проектором.

Я прибыл по расписанию, ровно в восемнадцать пятьдесят семь, двадцатью семью минутами ранее впустив в свою квартиру Эву, уборщицу в мини-юбке. У входа в аудиторию околачивалось человек двадцать пять. Я сразу же узнал Джулию — организатора лекции, которую Джин описал как «блондинку с большими сиськами». На самом деле диаметр ее груди лишь раза в полтора превышал норму, обусловленную пропорциями фигуры; так что размер как таковой едва ли можно было считать определяющим признаком. В отличие от высоты и открытости груди, заданной выбором костюма — отлично подходившего для жаркого январского вечера.

Наверное, я чересчур долго проводил ее опознание, поскольку она как-то странно посмотрела на меня.

— Вы, должно быть, Джулия, — сказал я.

— Чем могу помочь?

Отлично. Уважаю деловой подход.

— Пожалуйста, помогите мне найти видеокабель под разъем VGA.

— А, вы, видимо, профессор Тиллман, — воскликнула она. — Я так рада, что вы смогли прийти.

Она протянула мне руку, но я отвел ее:

— Найдите видеокабель, пожалуйста. Уже восемнадцать часов пятьдесят восемь минут.

— Не беспокойтесь, — сказала она. — Мы никогда не начинаем раньше четверти восьмого. Может быть, чашечку кофе?

Почему люди совсем не ценят чужое время? Передо мной со всей неизбежностью вставала перспектива разговора ни о чем. Я мог бы провести эти пятнадцать минут дома, практикуясь в айкидо.

Я сосредоточил все свое внимание на Джулии и проекционном экране в аудитории. Но потом я огляделся по сторонам и обнаружил, что помимо нас в классе за партами сидят еще девятнадцать человек. Это были дети, преимущественно мальчики. Видимо, жертвы синдрома Аспергера. Практически вся литература по этой теме посвящена детям.

Несмотря на недуг, они проводили время с пользой, в отличие от своих родителей, которые увлеклись праздными разговорами. Дети (возраст — от восьми до тринадцати лет, прикинул я) уткнулись в портативные компьютерные устройства. Я надеялся, что они так же усидчивы и на уроках, поскольку мой материал предполагал знание азов органической химии и структуры ДНК.

Тут до меня дошло, что я оставил без ответа вопрос о чашечке кофе:

— Нет.

К сожалению, из-за моей задержки в ответе Джулия уже забыла свой вопрос.

— Кофе — не нужно, — объяснил я. — Я никогда не пью кофе после пятнадцати часов сорока восьми минут. Это мешает здоровому сну. Кофеин имеет период полураспада от трех до четырех часов, так что это безответственно — предлагать кофе после семи вечера, если только люди не планируют бодрствовать до полуночи. Что в свою очередь не позволяет им должным образом выспаться, если предстоит обычный рабочий день.

Я пытался с пользой провести время ожидания, предлагая нечто полезное. Но Джулия, судя по всему, была настроена на разговор о пустяках.

— С Джином все в порядке? — спросила она. Очевидно, это была вариация на тему наиболее известного типа взаимодействия — а именно «как поживаете?»

— У него все хорошо, спасибо, — ответил я, соблюдая принятую форму ответа.

— А я подумала, что он заболел.

— У Джина отменное здоровье, если не считать шести килограммов лишнего веса. Мы вместе бегали сегодня утром. Вечером у него встреча, и если бы он был болен, то не смог бы выйти из дома.

Судя по всему, Джулию разочаровали мои пояснения. Позже, прокручивая в голове этот разговор, я подумал, что Джин скорее всего скрыл от нее истинную причину своего отсутствия. Наверное, не хотел, чтобы у Джулии сложилось впечатление, будто лекция не важна для него, и потому Джин с чистой совестью прислал куда менее значимую замену. Анализировать столь щекотливые положения, замешанные на обмане, предвидеть чужие реакции — а потом еще и сочинять собственную ложь, когда от тебя ждут ответа на тот или иной вопрос, — все это очень сложно для меня. Но почему-то все вокруг уверены, что эти задачи — из разряда «раз плюнуть».

Наконец я подключил свой компьютер, и мы начали — *с опозданием на восемнадцать минут*. Мне было необходимо повысить скорость подачи материала на сорок три процента, чтобы уложиться по расписанию к двадцати ноль ноль. Но это было заведомо недостижимо. Все шло к тому, что мой график на остаток вечера полетит в тартарары.